

ГУСТАВ ГУСТАВОВИЧ ШПЕТ

ЖИЗНЬ КАК ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА (1879 – 1937)

Имя Шпета постепенно выходит из забвения после более чем 60-летнего молчания, привлекая к себе внимание ученых различных направлений: психологов, философов, лингвистов. При этом большой интерес вызывают как его научное наследие, так и события его жизни, его биография, которая тесно переплелась в наших глазах с произведениями Шпета и сама по себе стала фактом творчества не только самого Шпета, но и его исследователей. О таком слиянии фактов биографии с написанными научными или художественными произведениями, слиянии реальной личности творца (ученого, писателя, художника) с тем образом, который создается в его произведениях, писал и сам Шпет. В одной из своих статей он утверждал, что читатели не могут и не хотят дифференцировать этот образ от фантазий, переживаний, искажений, которые были привнесены как произведениями автора, его воображением, так и воображением его близких, его современников, настаивая на том, что это и есть истинное лицо творца. Жизнь Шпета, богатая драматическими событиями, дружбой с известными людьми, острыми публицистическими статьями, выступлениями, дает большой материал для формирования такого образа. И не последнюю роль в его судьбе, в появлении образа того Шпета, который остался в воспоминаниях современников, сыграла Москва, ставшая для него не просто новым местом жительства, но и одним из значимых факторов его жизни.

Г.Г. Шпет родился 7 апреля 1879 г. в Киеве. Его мать Марцелина Иосифовна обожала своего единственного сына и была ему бесконечно предана. Ее жизнь вдвоем с маленьким ребенком, без родных и знакомых была очень нелегкой, тем не менее она делала все от нее зависящее для его учебы, дав ему возможность закончить гимназию, а затем университет. Шпет никогда не забывал об этом, оставаясь всегда любящим и заботливым сыном, хотя духовно и не был с ней очень близок. Он редко вспоминал о своем детстве, не рассказывая о нем даже своим близким. И только в последние годы жизни, в ссылке, вспоминая детство, свой отъезд из дома, он до конца понял, что он значил для матери, как тяжело ей было перенести его уход из дома, когда она писала ему, что «часами сидит в своей комнате и смотрит на его фотографию, думая о нем». В одном из своих последних писем из Томска, когда он уже знал, что идут повторные аресты, и готовился к самому худшему, Шпет, говоря о своем одиночестве и тревоге, вспоминал, «как мама стояла у порога моей опустевшей комнаты, когда я ушел от нее (я видел в окно со двора)».

Его эмоциональность, сочетающаяся с высокой требовательностью к себе, привели его в юности к идее о необходимости переделать себя, избавиться от излишней сентиментальности и жить разумом, а не сердцем», о чем он впоследствии пожалел.

Г.Г. Шпет был одним из последних отечественных психологов, получивших классическое

психологическое и философское образование. Психологией он увлекся в университете Св. Владимира в Киеве, где он обучался сначала на физико-математическом факультете. Новые интересы привели его к мысли о переводе на историко-филологический факультет, к которому, по традиции того времени, были приписаны и кафедры философии и психологии.

В то время профессорами Киевского университета были Е.Н. Трубецкой и Г.И. Челпанов. И Трубецкой, и особенно Челпанов были энтузиастами новой, формирующейся в то время экспериментальной психологии. Совместно с Гротом, Лопатиным и Соловьевым они были издателями и сотрудниками журнала «Вопросы философии и психологии», первого российского специального журнала, посвященного психологической проблематике. Шпет стал учеником Челпанова, принимая активное участие в работе его психологического семинара. Его дипломная работа «Проблема причинности у Канта и Юма» была отмечена как одна из лучших. По окончании университета в 1905 г. он остается в университете при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В эти годы происходят и другие важные события в жизни Шпета — в 1904 г. он женился на Марии Александровне Крестовской, а в 1905 г. родилась их первая дочь Ленора.

Его научным руководителем оставался Челпанов. После переезда Челпанова в Москву туда же по его приглашению перебирается и Шпет (1907). Он преподает на Высших женских курсах, а с 1909 г. — в университете Шанявского. В 1910 г. он сдает магистерский экзамен и становится приват-доцентом Московского университета. Москва не только дала ему новое место работы, но и расширила круг общения, круг его научных интересов, обеспечив в том числе и поворот от экспериментальной психологии, которой он начал заниматься в Киеве под влиянием Челпанова, к философии, эстетике, лингвистике, что и определило круг его научных интересов в последние годы жизни. Этот переход произошел не только из-за

сближения с Гуссерлем во время его заграничных командировок, о чем достаточно часто упоминают, но и под влиянием московских психологов, прежде всего Лопатина и его окружения, составившего основу журнала «Вопросы философии и психологии» и кружка Московского психологического общества, куда Шпет благодаря Челпанову вошел сразу по приезде в Москву. Он сразу же начал активную работу в Психологическом обществе, посещал практически все его заседания и уже в конце 1907 г., по рекомендации Челпанова и Трубецкого был избран в действительные члены Московского психологического общества. В течение почти 10 лет (до закрытия общества в 1918 г.) он неоднократно выступал на его заседаниях с рефератами (в частности, именно там им впервые были сделаны доклады о творчестве Гуссерля, о психологическом наследии Юркевича), участвовал в диспутах и юбилейных сборниках, в том числе в сборнике, посвященном 30-летию творческой деятельности Лопатина. Вместе с Челпановым и Лопатиным он вел большую работу по подготовке психологического съезда, который так и не состоялся в то время (1914—1915) в связи с началом Первой мировой войны. Научные дискуссии, которые велись в Психологическом обществе, показали Шпету, что он не одинок в своей неудовлетворенности теорией психологизма и экспериментальной психологией, которые, с точки зрения и Лопатина и других ученых, не могли существовать без философской методологической основы. В заседаниях Московского психологического общества, так же как и в работе редколлегии журнала, участвовали не только философы и психологи, но и историки, лингвисты, искусствоведы. Таким образом, еще в 10-х гг. Шпет убедился в значении межпредметных связей, которые позже станут одной из основ организации деятельности ГАХНа.

В 1910—1913 гг., продолжая преподавательскую работу на Высших женских курсах и в университете, он неоднократно отправлялся в заграничные командировки, проходя ста-

жировку в нескольких университетах — Берлинском, Эдинбургском, Парижском, но главным образом в Геттингенском, работа в котором привела Шпета к философии Гуссерля, чьи идеи были ему близки, хотя он никогда и не был его последователем в полном смысле слова. Он стал одним из его наиболее любимых учеников, познакомил русских читателей с концепцией Гуссерля, опубликовав в 1914 г. работу «Явление и смысл», посвященную феноменологии. Командировки способствовали его охлаждению к экспериментальной психологии и переориентации на методологические проблемы. В 1916 г. Шпет защитил диссертацию «История как проблема логики». В том же году он был избран профессором Высших женских курсов и доцентом университета, а с 1918 г. и профессором Московского университета. Работа в Московском университете, публикация научных трудов сделали его заметной фигурой в российской науке.

Москва оказала существенное влияние и на личную жизнь Шпета, так как именно здесь он встретился со своей второй женой — Натальей Константиновной Гучковой, которая была его слушательницей в педагогическом Елизаветинском институте. Хотя Шпет к этому времени уже расстался со своей первой женой, однако развод и новая женитьба были сопряжены с большими трудностями как чисто формальными (никто не хотел их венчать после его развода, и венчание состоялось в церкви при Бутырской тюрьме), так и моральными, так как многие близкие люди сначала не приняли новую семью Шпета. В их числе оказались и родители Натальи Константиновны и мать Густава Густавовича. Против его нового брака было настроено и общественное мнение, его коллеги по институту и Психологическому обществу. Испуганный этими недоброжелательными разговорами Челпанов, который хорошо относился к Шпету, желая ему добра, писал ему в Германию в мае 1912 г., советуя отложить развод и постараться жить, не нарушая условностей: «Лучше разойтись, чем развестись, найдите

форму конфиденциальную, а не официальную, общественное мнение Вам не простит развода». Однако Густав Густавович и Наталья Константиновна сумели преодолеть все препятствия, и постепенно жизнь семьи наладилась, так же как и отношения с близкими людьми. Важно было и то, что Шпету удалось нормализовать отношения со своей первой семьей и дети (две дочери от первого брака и трое детей от второго) свободно общались друг с другом.

За время жизни в Москве Шпет сменил несколько адресов. В самом начале, по приезде с семьей из Киева, он жил на Плющихе, во 2-м Неопалимовском переулке, о чем он извещал в письме мать, приглашая ее в гости на новую квартиру и сообщая о том, что она находится близко от вокзала. На этой квартире Шпет жил до 1910 г., когда он и Мария Александровна уехали за границу, откуда она с детьми по настоянию Шпета возвратилась только в 1914 г., с началом войны. После женитьбы на Наталье Константиновне он сначала недолго жил на Б. Царицынской (Пироговской) улице, а затем переехал на Долгоруковскую (Каляевскую) улицу, где они жили почти двадцать лет (до 1928 г.). В конце 20-х гг. Шпет построил кооперативную квартиру в Брюсовом переулке. Этот адрес — последний, именно в этой квартире Шпет был арестован и здесь в течение многих лет жили оставшиеся члены его семьи. Квартира в Брюсовом переулке была двухэтажная, и в кабинет Г. Шпета вела небольшая лестница, что давало возможность уединяться для работы. Для того чтобы после ареста ученого не конфисковали кабинет, его перестроили в отдельную квартиру, которую заняла старшая дочь Густава Густавовича Ленора с мужем и детьми.

У Шпета была огромная библиотека с более чем 5 тыс. книг на разных языках (он владел 17 языками), которая также располагалась в кабинете. Для того чтобы получить дополнительную площадь для библиотеки и избежать реквизиции книг, Шпету пришлось взять специальное отношение в ГАХНе, где он тогда

работал, в котором было сказано, что эти книги ему необходимы для работы и используются и другими сотрудниками академии. Его научная библиотека включала в себя огромное количество книг по психологии как на русском, так и на английском, немецком, французском, греческом языках. После его смерти библиотека была передана его родными в институт философии в Тбилиси, так как в Москве и Ленинграде ни одному институту она оказалась не нужна (в том числе и Институту психологии), хотя родственники Шпета отдавали ее бесплатно.

Приучая детей к чтению, Шпет подбирал им нужные книги из своей библиотеки. Отвечая на их разнообразные вопросы, он доставал из кабинета нужную книгу, причем, как вспоминает его дочь Татьяна, не было случая, чтобы в его огромной библиотеке не оказалось книги по интересующей их проблеме, так же как не было случая, чтобы отец не ответил на их вопросы,

чтобы он чего-то не знал. Благодаря такой эрудиции, ему удавалось соединить разнообразные интересы всех членов семьи. Хотя он практически не занимался домом, бытом, предоставляя ведение всех домашних дел в семье Наталье Константиновне, однако тон общения в семье задавал именно он. Среди обязательных вещей, которые должны определять семейную атмосферу, Шпет выделял подтянутость и строгость в одежде и внешности. Он сам всегда был чисто выбрит и даже к завтраку выходил в крахмальном воротничке, галстук и пиджаке, не позволяя себе являться к столу в халате. Таким образом, определенная дистанция сохранялась даже с близкими. Его дочь Татьяна Густавовна вспоминает, что самым незабываемым впечатлением, когда она пришла на свидание к отцу в тюрьму, было увидеть его первый раз в жизни небритым. Эти внешние признаки были, по-видимому, существенны для Шпета, потому что помо-

гали ему выстраивать тот образ, который человек считал необходимым себе придать и который со временем стал его естественным стилем общения. Отстраненность этого образа явилась следствием его идеи о логической заданности жизни, возможности ее построения по тем законам, которые он сам себе установил. И наибольшее значение в этом плане имела для него его научная деятельность, которая занимала центральное место в его судьбе. Однако постепенно, особенно в последние годы, в ссылке, он пересмотрел некоторые, казалось бы, незыблемые законы своей жизни, в частности, свой образ, ту дистанцию, которую он сохранял. В это время у него наладились и более близкие, теплые отношения со всеми детьми, с окружающими.

Его активная и плодотворная деятельность сохранялась и после революции, он читал несколько курсов лекций в университете (по психологии, философии, логики), организовал в 1920 г. первый в России кабинет этнической психологии, который скоро стал крупным научным центром. Туда направлялись отчеты о различных этнографических и этнопсихологических экспедициях, анализ которых ложился в основу подготовки программы этнопсихологических исследований народов Сибири, Средней Азии, Закавказья. Однако уже в 1921 г. его отстранили от работы в Московском университете, так же как и его учителя Челпанова и многих других известных ученых, не придерживавшихся марксистской ориентации. Тем не менее ему удалось организовать Институт научной философии при Московском университете, директором которого он стал в 1921 г. В этом же году он был избран действительным членом РАХНа (позднее — ГАХН), в которой состоял до 1930 г., являясь сначала председателем философского отделения, а затем и руководителем финансовой части и вице-президентом академии (с конца 1924 г.). Должность вице-президента была выборной, и за Шпета проголосовали практически единогласно. В эти годы он создал свои, может быть, наиболее значительные психологические и философские

работы, в том числе «Введение в этническую психологию» и «Внутренняя форма слова». В это же время он начал разрабатывать основы философии искусства, опубликовал несколько статей по этой проблеме. Как вице-президент академии и председатель философской секции, он, определяя направления научной работы, стремился совместить труды нескольких секций, завязав новые межпредметные связи. В своих программных докладах в академии «Границы научного литературоведения» и «Искусство как вид знания» он доказывал, что будущее не только искусства, но и науки (в том числе и философии, и психологии, и эстетики) — в межкультурном взаимодействии, на базе которого и будет сформировано новое понимание, новое качество и науки, и культуры, и жизни.

Постепенно расширялся круг общения Шпета в Москве. Если сначала это были прежде всего представители науки — психологи, философы, историки, которые входили в редакцию журнала «Вопросы философии и психологии», то со временем, кроме коллег по Психологическому обществу (Челпанов, Экземплярские) и ближайших учеников Шпета (Жинкин, Волков, Губер, Цирес), в него входят артисты, художники, писатели и критики. Этот круг окончательно сложился с переходом в ГАХН, в которой работали друзья и единомышленники Шпета — Габричевский, Шапошников, Мориц. Работа в ГАХНе изменила и научные приоритеты Шпета, так как его интерес к языку, внутренней форме слова переплелся с исследованиями поэтической внутренней формы как слова, так и художественного произведения в целом, приводя к мысли о важности изучения искусства как особого вида знания.

Дом Шпета был всегда открыт и хлебосолен. Несмотря на язвительный юмор, свойственный Шпету, его умение метко высмеять глупость и некомпетентность собеседника (в том числе и близкого ему человека), у них с Натальей Константиновной всегда собиралось много гостей, которых они радушно принимали. Круг творче-

К.С. Станиславский

ской интеллигенции Москвы того времени был несравненно уже, чем сейчас, а Шпет был одной из самых ярких фигур в нем. И он, и Наталья Константиновна любили театр и непременно посещали все премьеры, были завсегдатаями выставок. Наталья Константиновна любила музыку, которая была частью ее семейной атмосферы (ее мать была сестрой отца С.В. Рахманинова и сестрой А.И. Зилотти), приучала и детей посещать концерты и театры. Густав Густавович также проявлял большое внимание к интересам своих детей, советуя им, куда следует сходить, что надо обязательно посмотреть, прочитать. Эта увлеченность Шпета искусством, художественная одаренность передались его внукам, проявившись в творчестве выдающейся балерины Екатерины Максимовой (ребенок его дочери Татьяны).

Общение с Таировым, Коонен, Мейерхольдом, Станиславским укреплялось в совместной творческой деятельности. Шпет в это время принимал участие в постановках Мейерхольда и Таирова, в работе журнала Камерного театра, особенно в 30-х гг., когда у него отняли возможность заниматься научной деятельностью. Станиславский одним из первых помог Шпету после его исключения из ГАХНа, предложив работу в художественном совете МХАТа, а в 1932 г. и должность профессора Академии высшего актерского мастерства. Актеры Художественного театра Качалов, Москвин, Книппер-Чехова и другие не отвернулись от семьи Шпета после его ареста и ссылки и, пользуясь своими званиями, старались помочь ей. Чтобы облегчить положение Шпета в ссылке, они добивались перевода его из Енисейска в Томск и сохранения квартиры за Натальей Константиновной (они жили в одном актерском кооперативе в Брюсовом переулке).

При «чистке» ГАХНа Шпет был обвинен в том, что он держал в академии «бывших» людей (Челпановых, Шапошникова, Экземплярских, Мориц и др.), проводил идеологически не выдержанную работу и осуществлял намеченную цель — создание из ГАХНа «крепкой цита-

дели идеализма». Ему запретили впредь занимать руководящие должности и вести идеологическую работу, хотя сочли возможным использовать его знание иностранных языков для работы над переводами, но при «обеспечении надлежащего идеологического руководства», однако и эту работу он получил не сразу. После многих ходатайств ему разрешили переводить художественную литературу, и в течение нескольких лет он занимался преимущественно переводами, в том числе и философских произведений, в частности, «Феноменологии духа» Гегеля, которая вышла впоследствии без указания фамилии переводчика. В это же время он начал работу над комментариями к «Пиквикскому клубу» Диккенса, которые составили целый том зарисовок английской жизни, ан-

лийского характера и явились своеобразной иллюстрацией взглядов Шпета как на проблему психологии творчества (так как он пытался понять природу творчества Диккенса), так и на проблему национального самосознания (так как в ней описывается история Англии, культура и обычаи, так же как и их значение для представителей разных социальных групп).

После закрытия ГАХНа распалась и школа, которую начал создавать Шпет в рамках этой академии. К 25-летию его научной деятельности (1925) его ученики А. Ахманов, Н. Волков, А. Зак, Н. Жинкин, А. Цирес преподнесли ему альбом, названный ими «Квартет», со своими философскими произведениями, посвященными учителю. Уровень этих работ и докладов, сделанных на заседаниях философского отделения ГАХНа, показывает высокую эрудицию, нетрадиционность подходов в разработке проблемы философии искусства, а также потенциальные возможности этой школы, оставшиеся нереализованными. Кроме Жинкина, никто из учеников Шпета не смог продолжить занятия психологией. Волков сначала преподавал математику в школе, а затем стал живописцем и искусствоведом, так же как и Губер, который впоследствии работал главным хранителем Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Общение со Шпетом, работа под его руководством оставались значимыми для них всю жизнь. После его повторного ареста традиционными стали ежегодные встречи родных и друзей в дни рождения Шпета. Сначала эти встречи происходили в доме у Натальи Константиновны, потом у Леноры Густавовны, а после ее смерти — у Татьяны Густавовны, доказывая, что, пока жива память о человеке, жив и он.

При всех сложностях жизни мысль об эмиграции никогда не возникала у Шпета, не было никаких разговоров на эту тему даже в последние, самые тяжелые годы, хотя многие знакомые и близкие люди уехали за границу. Такая возможность была и у Шпета. Так, в 1922 г., когда из России выслали многих философов, он с помощью Луначарского, с семьей которого был

близко знаком еще по Киеву, добился отмены своей высылки. Позднее близкий друг Шпета поэт Ю. Балтрушайтис, который в то время был послом Литвы в России, предлагал ему оформить литовское гражданство и уехать на Запад. Однако Шпет отказался, считая, что должен оставаться в России, хотя, по-видимому, уже не испытывал никаких иллюзий по поводу возможностей свободной творческой работы на родине, которые, как и у многих интеллигентов, были у него в начале революции.

В 1935 г. его арестовали и после недолгого заключения выслали сначала в Енисейск, а потом в Томск, где он и был арестован вторично и расстрелян в 1937 г. Семья долгое время не знала о его смерти. Еще в 1945 г., после окончания войны, в ответ на запрос им было сообщено, что он жив и надо ждать окончания 10 лет. Только в 1956 г. близкие узнали, что он реабилитирован «ввиду отсутствия состава преступления», а также о том, что он умер от воспаления легких в 1940 г. Почти сразу после этого сообщения умерла и Наталья Константиновна, так и не узнав правды о его кончине. Сравнительно недавно, после того как открылись архивы КГБ, из материалов дела Г.Г. Шпета выяснилось, что его расстреляли в 1937 г., почти сразу после второго ареста.

Его арест и ранняя смерть не только не дали ему возможности закончить начатые исследования, довести их до логического конца, до упорядоченной концепции, но и на долгие годы исключили имя Шпета из научного контекста. Невозможен был и теоретический анализ его трудов. В то же время многие разрабатываемые им идеи представляют несомненный интерес не только для философии, но и для современной психологии.

Хотя часто говорится о том, что Шпет является учеником Челпанова, надо признать, что влияние Челпанова на Шпета в научном плане закончилось весьма рано, по-видимому, уже ко времени его первого отъезда за границу в 1910 г., хотя до конца жизни у них сохранялись теплые, дружеские отношения. Последние работы Шпе-

В.И. Качалов

та доказывают, что он не только не являлся последователем Челпанова, но был, скорее, критиком его психологических концепций. Конечно, фраза Челпанова о том, что психология не может быть марксистской, являлась, скорее, защитной реакцией на давление новой власти (она была произнесена в 20-х гг.), однако выражала и его собственную установку на то, что психология, будучи экспериментальной наукой, как физика или химия, вообще не нуждается в философском обосновании полученных данных. Именно против этого подхода последовательно выступал Шпет, который доказывал, что психология не может обойтись без определенной философской системы, которая объясняла бы полученные данные, приводила их в систему.

Занимаясь в семинаре Челпанова в Киевском университете, Шпет постигал азы экспериментальной, эмпирической психологии. Особенность его позиции заключалась в том, что Шпет фактически ставил знак равенства между аналитической, объективной психологией с той экспериментальной наукой, которую разрабатывал Челпанов, отождествляя недостатки его позиции с недостатками экспериментальной психологии вообще. Именно эта ошибка во многом явилась причиной его отчуждения от психологии. Шпет, в принципе, не отвергал саму идею экспериментальной психологии, понимая нужность объективного метода исследования, который давал возможность психологии собрать необходимые научные данные. Однако он считал, что экспериментальная психология является, скорее, наукой описательной и не может претендовать на роль науки объяснительной, так как отдельных эмпирических, даже экспериментально полученных данных еще недостаточно для объяснения основ, закономерностей психической жизни личности.

Творчество Шпета с самого начала отличало стремление к объективности, к созданию универсальных научных методологических принципов, объясняющих данные не только гуманитарных, но и естественных наук. Это привело

Шпета впоследствии к герменевтике, основы которой в отечественную науку были введены именно им.

Большое значение для формирования объективной психологии имело, с точки зрения Шпета, изучение истории психологической науки. Первая попытка дать исторический обзор развития гуманитарных наук в России (прежде всего психологии и философии) была предпринята Шпетом еще в 10-х гг., в его незаконченных работах по психологической и философской антропологии. Впоследствии он возвращался к этой проблеме в своей «Хрестоматии по истории психологии» (1917) и в «Очерке развития русской философии» (1922).

Шпет придавал большое значение изданию «Хрестоматии по истории психологии», для

В 028 КУ 77

2141 B

МОСКВИЧ

Брюсов переулок. Это дом № 17, построенный по проекту А.В. Щусева в 1928 г. для артистов Художественного театра. В нем жили В.И. Качалов, Н.Н. Литовцева, И.М. Москвин, Л.М. Леонидов, Н.А. Подгорный, балерина Е.В. Гельцер

работы над которой он привлек многих ведущих психологов того времени — Лосского, Блонского, Экземплярского и других. Предполагалось издание нескольких томов хрестоматии, посвященных отдельным периодам психологии — античности, средневековью, Новому времени. В предисловии к первому тому этого издания, которое, к сожалению, так и не было осуществлено, он писал, что для формирования психологии как методически оформленной «внутренне согласованной системы» необходимо отдать себе отчет в том, каким путем шла наука, и подвести итог тому, что было сделано предшественниками, что ценно и в настоящее время. В этой работе Шпет также утверждал, что методология по-прежнему остается одним из центральных вопросов психологической науки, подчеркивая, что анализ истории психологических знаний поможет разрешить вопрос о связи психологии с философией (которая является ее методологией) и со смежными науками «об эмпирической природе» человека.

Изучая историю развития русской психологии и философии, Шпет пытался определить специфику их пути, анализируя развитие прежде всего двух, с его точки зрения, основных проблем (логики и морали), причем значение первой он связывал с ее ролью в качестве методологической основы науки, а второй — со спецификой именно русской науки. В своей работе «Очерк развития русской философии» Шпет обращал внимание главным образом на причину появления и характер тех качеств, которые отличают отечественную науку, отмечал ее достоинства и недостатки. При этом среди несомненных достоинств он выделял не только антропологизм и духовность русской науки, но и ее социальность, стремление решить такие важные проблемы, как взаимосвязь власти, интеллигенции и народа, роль культуры в формировании национальной психологии. Шпет доказывал, что именно социальные, исторические факторы определяют главным образом особенности как отечественной науки, так и отечественной интеллигенции, причем он дал одно

из самых блестящих описаний психологических причин образования феномена «русская интеллигенция», в развитии которой выделил три этапа — духовный, правительственный и оппозиционный.

Исследования Шпета привели его к мысли о том, что в русской науке интересы ученых фокусируются на этической проблематике, причем не столько на вопросе генезиса нравственности, сколько на исследованиях тех переживаний, эмоций, которые связаны с нравственными проблемами. Таким образом, речь идет о социальных эмоциях, бывших в центре внимания не только отечественных ученых, но и художников. Это дает возможность Шпету включить в главу, посвященную отечественным концепциям морального развития, как подходы Грота, Соловьева, Трубецких, Петражицкого, так и Л. Толстого. Свое исследование Шпет хотел довести до начала века, дав анализ и современных ему концепций, в том числе Блонского, Лопатина, Введенского и других. Большой интерес представляют и наброски главы, посвященной творчеству В. Соловьева, в которой Шпет анализирует взаимосвязь между рационализмом и мистицизмом. Значение этой главы не только в том, что в ней сопоставляются два противоположных, особенно для Шпета, подхода к познанию, но и в том, что в ней он предполагал показать специфически русский путь построения положительной науки, которая объективное, надындивидуальное ищет не в логике, как западная, но в мистических откровениях, которые, по мнению Соловьева, могут быть проверены впоследствии и логикой. К сожалению, эта работа Шпета осталась незаконченной (опубликована была только первая часть очерка), однако анализ набросков, которые сохранились в его архиве, позволяет сделать вывод о том, что в основе лежит прежде всего исследование тех социальных причин, которые сформировали отечественную науку, определили ее самобытность (причем постепенно в число важнейших условий, определяющих эту самобытность, стал входить и язык).

Шпет считал язык выражением души, но выражением сверхличным, откристаллизованным и потому объективным. При этом исследование языка может являться предметом не только психологии (как индивидуальной, так и этнической), но и философии, языкознания, эстетики и других наук. Таким образом, Шпет приходит к выводу о том, что язык, как и логика, должен стать универсальным методом исследования большинства наук, не только гуманитарных, но и естественных, так как он дает возможность открыть законы понимания и объяснения мира. Преимущество языка перед логикой, которое отмечает Шпет, состоит в том, что язык не оставляет в стороне социальные причины, бытие людей (как это происходит с логикой), а потому расширяет рамки познания, давая возможность понять не только внешнюю динамику, но и причины появления определенных событий, действий людей.

Переход от логики к слову связан и с тем, что Шпет в этот период все больше убеждается в необходимости формирования не только межпредметных, но и межкультурных связей. Только межкультурные исследования, подчеркивал Шпет, дадут возможность найти всеобщие принципы, объясняющие закономерности не только научного знания, но и всеобщего бытия, в том числе и искусства, и культуры. Отсюда тезис о том, что в искусстве соединяется все, что было разорвано, разъединено в поисках отдельных объяснительных принципов — как принципов естественных и гуманитарных наук, так и житейских. На этом положении базируется и герменевтика, разрабатываемая в тот период Шпетом, в которой общей единицей, связывающей межкультурные отношения в единое целое, является внутренняя форма слова.

Исследование языка как одного из основных методов понимания психологии социального бытия и является стержнем книги Шпета «Внутренняя форма слова». В этой работе Шпет выделил два вида внутренней формы — логическую и поэтическую. Он доказывал, что

внутренние поэтические формы не могут существовать без логических, но не исчерпываются ими, как и звуковым оформлением. Используя их, поэтические внутренние формы передают самую суть действительности, ее самобытность, чего не могут сделать ни логическое понятие, ни стилистическое, звуковое оформление.

При этом, с точки зрения психолога, как раз не объективное, а субъективное в языке должно стать предметом исследования, а именно связь языка с эмоциями, переживаниями людей. Шпет подчеркивает, что для психолога язык — это прежде всего идея, энергия, которая определяет отношение человека к окружающему миру и его законам. То же толкование приложимо к языку как выражению национальной психологии. Язык нации (так же как язык всякого более или менее устойчивого социального образования — класса, профессиональной группы) формируется при определенных условиях и выражает отношение данной группы к этим условиям и предметам.

Такое отношение к психологии языка противопоставляется Шпетом философии языка, которая есть, с его точки зрения, исследование языкового сознания, ориентированное на анализ единого культурного сознания. Он пишет о том, что такие проявления культурного сознания, как искусство, наука, право — «не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. Философия языка есть в этом смысле принципиальная основа философии культуры». Такая позиция и привела в дальнейшем Шпета к проблемам искусства, изучение которого, как и других проявлений языка, дает возможность понять окружающий мир, его законы.

Подход к слову как к универсальному объяснительному принципу становится возможным потому, что Шпет в своей трактовке внутренней формы слова существенно отходит от концепции как Потебни, так и Гумбольдта. В отличие от Гумбольдта он доказывает, что

Г.Г. Шпет в своем кабинете

внутренняя форма тесно связана со смыслом, идеей произведения, т. е. с мировоззрением, идеалами человека, а не просто с реализацией его внутренней энергии. Шпет подчеркивал, что внутренняя форма слова как таковая имеет динамический характер, но эта энергия слова помогает раскрыть содержание смысла понятия при его словесной передаче, определяя законы диалектического движения к пределу полноты смысла. Такую диалектику Шпет называет «диалектикой реального или диалектикой реализуемого культурного смысла» и

считает, что именно эта динамика, соединяющая логическую и поэтическую внутреннюю формы, передает как содержание понятия, так и его социальный смысл, помогает понять окружающий мир во всей его полноте и потому может быть названа герменевтической.

Исследование внутренней формы слова, с точки зрения Шпета, было одним из вернейших способов проникновения в проблему духовности (как индивидуальной, так и коллективной), эмбрионом которой как раз и является внутренняя форма. Зачарованность внут-

ренным духовным миром, стремление понять этот мир делают эти проблемы центральными для творчества Шпета, причем реальные, материальные предметы рассматриваются именно в свете их культурного значения, роли в формировании внутреннего мира человека. Хотя это и не является идеализмом в собственном значении этого слова, именно это, по-видимому, и давало возможность причислить Шпета к идеалистам и обвинить его в насаждении идеализма в ГАХНе людям.

В отличие от Потемби, Шпет не переоценивает когнитивную сторону внутренней формы, подчеркивая ее эмоциональное значение. Введение понятия переживания и эмоционального отношения к предмету (норме, знанию), которое фиксируется во внутренней форме слова, имеет огромное значение не только для герменевтики, но и для этнической психологии, разрабатываемой Шпетом. Именно эти идеи значимы для современной психологической науки, анализирующей процесс морального формирования, которое осуществляется искусством именно через бессознательное переживание, тогда как рефлексивное понимание может вызвать отторжение идей, воспринимающихся на эмоциональном уровне.

В работах Шпета вырисовывается и совершенно новый подход к роли эмоций в процессе инкультурации человека, так как он считает их одним из важнейших инструментов культурного развития. При этом сами продукты культуры являются медиаторами процесса социализации человека, регулируемого развитием типичных для данного этноса переживаний, которые и составляют главные элементы национального самосознания. Эти идеи впервые были высказаны Шпетом в его статье «Задачи этнической психологии», а впоследствии развернуты в его книге «Введение в этническую психологию». Он писал о том, что духовный мир человека определяется во многом прошлым его народа, и в этом он был близок к позиции Юнга, который говорил о роли архетипов и коллективного бессознательного в развитии человека. Однако

Шпет, в отличие от Юнга, доказывал, что хотя такая национальная идентификация и непроизвольна и определяется той культурой, в которой воспитывался человек, языком и традициями, которые для него являются родными и близкими, тем не менее не эти объективные связи, а субъективные переживания определяют процесс отнесения себя к данному этносу. Кроме того, для Юнга важнее понять, из чего состоит этот цельный, идеальный тип эпохи или народа, в то время как для Шпета — каким образом он стал таким, как изменились переживания людей в зависимости от времени и места проживания. Анализируя эту динамику, Шпет приходит к выводу, что она складывается из присвоения известных исторических и социальных взаимоотношений и противопоставления их другим народам. Этот процесс происходит прежде всего в эстетической деятельности, так как наиболее ярко психология народа сказывается в его отношении к им же созданным духовным ценностям. При этом сначала данные знания являются нейтральными для человека, лишь постепенно приобретающими эмоциональную насыщенность.

Таким образом, именно эмоциональное принятие культуры народа определяет процесс отнесения себя к данному этносу. И потому при возникновении отвержения субъект может «переменить» свой народ, «войти в состав и дух другого народа», однако этот процесс требует длительного и упорного труда и времени, так как, если происходит только внешнее усвоение нового языка, культуры или норм поведения, человек остается маргиналом, который, отойдя от одного этноса, не стал и членом другого, ведь для полной идентификации себя с новым этносом необходимо эмоциональное принятие тех объективных элементов, которые составляют содержание национального самосознания. Эти идеи Шпета находят отражение в современных работах, рассматривающих этапы социализации людей, перехода из одной культуры в другую.

Эмоциональное отношение к культуре, так же как и само содержание слова и его внутренняя форма, определяет, по мнению Шпета, и развитие искусства. Интерес Шпета к эстетике связан как с общими тенденциями в развитии его научного мировоззрения, так и с работой в ГАХНе. Наиболее показателен в этом плане, несомненно, доклад «Искусство как вид знания», прочитанный им в 1926 г. в философской секции ГАХНа. Он считал, что искусство является специфическим видом знания, связанного с его эмоциональной первичностью, которая позволяет соединить в нем саму вещь (или представление о ней) с суждением об этой вещи. Таким образом, искусство является симпатической презентацией, которая рождает особое познание — всматривание в суть вещи, понимание ее субъективности, предполагающее и объективное познание. Связывая понимание искусства с его внутренней формой, Шпет подчеркивает, что внутренняя форма художественного произведения является отражением приемов, методов, творческого пути художника. Она служит источником знания, но знания субъективного, так как в нее вносятся жизненные идеалы, ценности данного творца. Воспитательная ценность искусства, о которой Шпет писал еще во «Введении в этнопсихологию», состоит в том, что бессознательные переживания вызывают у слушателей эмоции тогда, когда разум мог бы отвергнуть данные идеалы. Мировоззрением же внутренняя форма становится только в результате философской рефлексии, которая, как правило, осуществляется не слушателями, а учеными, критиками, научно обосновывающими субъективную фантазию, переживания творца и переводящими искусство в ранг понятий.

Таким образом, в отличие от Потебни, который настаивал на том, что внутренняя форма выражает переживания художника, которые слушатель понимает по-своему (хотя говорящий и слушающий совершают одну и ту же работу, эмоции, вызываемые ею, могут

быть разными), Шпет считал, что искусство вызывает именно общие эмоции, заражая состоянием художника его слушателей. Это эмоциональное заражение и заставляет зрителей отождествлять творца с его произведениями, так как образ, полученный в результате чтения, слушания музыки, разглядывания картины или игры на сцене, не рефлексивируется и не осознается зрителями. Многие поэты, художники, актеры отмечали, что читатели, зрители все то, что пишет поэт, немедленно относят к нему самому, а не к его герою. В еще большей степени это касается актеров, которые вызывают зрительские переживания при помощи не только текста, но и пластики, жеста, с которыми сливаются внутренняя форма и эмоциональное переживание, полученное от данного образа. Таким образом, по Шпету, художественное произведение есть выражение самосознания творца, в нем он видит и познает себя. В этом заметно сходство позиций Шпета и представителей психологии творчества, таких, как Овсяннико-Куликовский, Горнфельд, Райнов. Отличие заключается в утверждении Шпета, что мы входим в самосознание творца при восприятии его произведения, участвуем в нем, т. е. через эмоции формируется единая самость творца и зрителя. Искусство является самостоятельным продуктом духовной жизни как творца или слушателя, так и народа в целом. Оно может помочь в формировании нового самосознания. Отдаваясь наслаждению, человек бессознательно и непроизвольно преображается, у него формируются новое мировоззрение, новые идеалы. Вызываемые культурой «социальные эмоции» помогают социализации человека, регулируют процесс его вхождения в тот социум, который его окружает.

В работах этого периода Шпет неоднократно подчеркивал, что язык является орудием труда и творчества человека, выступая в то же время и знаком определенного социума. Человечество в процессе своего развития создает социально-культурный мир, существующий

Вариацию Китри из
балета Людвиг
Минкуса «Дон Кихот»
исполняет Екатерина
Максимова

помимо мира природного и отгораживающий человека от природы. При этом сам человек превращается в социально-культурного субъекта, рефлекс которого из чисто биологических актов трансформируются в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Поведение человека является некоторым знаком как для других людей, так и для него самого. Одним из важнейших знаков как раз и служит речь, анализ внутренней формы которой дает возможность понять и индивидуальный мир человека, и коллективный внутренний мир группы людей, народа, его искусство.

Таким образом, Шпет пришел к выводу о том, что сознание индивида имеет культурно-исторический характер, важнейшим элементом которого является слово. В статье «Проблемы современной эстетики» он писал, что духовность в большей степени отражает реальность и реальное состояние мира, чем сам этот мир, быт, так как в ней закодировано отношение людей к этому миру, «овнешненное» в предметах культуры — картинах, архитектуре, музыке, особенно языке. Отвлекаясь от культуры, мы получаем просто вещественный предмет, полагал он, приводя как пример письма Л.Н. Толстого, которые для людей другой культуры могли бы быть просто средством для растопки печи, подобно любому другому куску бумаги, а в нашей культуре являются носителями духовности, этических заповедей. Таким образом, подчеркивал он, искусство является орудием, которое указывает на особый смысл, функцию предмета, это «знаки самодовлеющего бытия, не имеющие, но указующие на таковое и через это приобретающие собственное значение». Так Шпет приходит к мысли о том, что искусство, как и речь, может быть методом исследования психических особенностей человека, причем тех его духовных качеств, которые определяются и проявляются в социальном контексте.

При этом слово без символа, без отношения, стоящего за ним, мертво (по крайней мере, для психолога, искусствоведа, для любого исследователя социального бытия), но и

один символ, как бы ни был он стилистически совершенно оформлен, не может передать все содержание слова, его внутреннюю форму. Эта позиция проявилась и при анализе искусства (поэзии, живописи и театра), в котором Шпет отвергал голый натурализм и подчеркивал необходимость второго плана, символики. Но эта символика должна быть внутренне связана с идеей, с логической внутренней формой, а не просто красивым оформлением пустоты. С точки зрения психологии, это внутреннее отношение, переживание субъекта при передаче словесного выражения имеет первоочередное значение, так как оно открывает интенцию субъекта, его намерение, его эмоциональное состояние в момент образования слова и его передачи.

Понимание двойной детерминации динамики языка, двух видов внутренних форм (логической и поэтической), так же как и анализ эмоционального переживания, зафиксированного в слове, дает ключ к пониманию искусства, которое, как всякое социальное явление, обладает своими внутренними логическими формами. Однако оно имеет и другую систему внутренних форм — художественно-поэтическую. Таким образом, на основе анализа языка может быть разработана единая методология, которая, будучи философией языка, является одновременно основой разработки философии культуры, философии психологии, других наук. К сожалению, эти концепции Шпета, появившиеся в конце его активного научного творчества (так как в 30-х гг. он был лишен полноценной научной работы и занимался преимущественно переводами), не были достаточно разработаны и представляют собой планы и проекты его будущих, так и не осуществленных исследований.

Несмотря на то, что Шпет не успел реализовать многие из своих научных замыслов, он был заметной фигурой в отечественной психологии начала века. Анализ его творчества и его судьбы показывает, что существует определенная взаимосвязь между жизнью ученого

и его работами. Шпет рассматривал свою жизнь как сознательное творчество, перекраивая себя и ломая под определенный образец, хотя и не всегда был удовлетворен этим образцом и результатом следования ему. Однако он был убежден, что природа может быть оправдана только через культуру, и именно культура, в том числе индивидуальное творчество ученого, художника, является более реальным бытием, чем события биографии. И с этой точки зрения, действительно,

биография Шпета продолжается, так как только в настоящее время его труды начинают входить в контекст современной науки, и прежде всего важнейшее положение Шпета о межкультурных связях, так же как и его методология, исследования социального бытия в виде системы, в которой живет и развивается человек, соединившей в единое целое науку, искусство и природу.

Т.Д. Марцинковская